

КАРОЛИНА МЭБ

девчонка БЕС предела

Её любовь может
стоять вам жизни

На ~~нереальных~~
событиях

18+

Любовь на все времена

Каролина Мэб

Девчонка БЕСпредела

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мэб К.

Девчонка БЕСпредела / К. Мэб — «Издательство АСТ»,
2019 — (Любовь на все времена)

ISBN 978-5-17-121240-7

«Девчонка беспредела» – гламурно мистический роман для взрослых, поражающий своим не женским юмором. Откровенное глумление над современными реалиями и «зашифрованный» путеводитель по светской тусовке. Герой нашего времени – успешный торговец яхтами и заядлый тусовщик г-н Чабурадзе. Главная героиня – истеричная, равнодушная к алкоголю содержанка Даша. Эта гротескная история – термоядерный коктейль из мистики, детектива, любви и беспощадного юмора. На страницах романа пересекаются судьбы чудаковатого Олигарха, который не любит секс, неудачливого сериального актера и далекого от народа «народного» депутата. Автор книги – писатель, актриса, модель Каролина Мэб – обещает: вы будете смеяться до колик.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121240-7

© Мэб К., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Мужчина без будущего	8
Лимит исчерпан	10
В гостях у ведьмы	13
Дилемма	14
Незванный гость хуже...	16
Самый жалкий любовник	18
Между ними, девочками	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Каролина Мэб

Девчонка БЕСпредела

Мужчине, которого люблю.

Стасу – человеку, открывшему мне другой мир. Родному и близкому, несмотря ни на что и НАВСЕГДА. «Братшишке», советчику, другу...

Одна из уловок жизни – связывать последние вещи с первыми, соединять самое сокровенное с самым поверхностным, чтобы поклонники реальности, геометры бытия, ретивые умельцы – ох какие ретивые! – покачали головой и не поверили в эту связь, они ведь думают, что так быть не может...

Эрих Мария Ремарк. Гэм

Все персонажи выдуманы, а совпадения случайны.

© Текст. Каролина Мэб, 2019

© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2019

Ночь была поздней, парижской и темной.

Гости именитого отеля тщетно пытались уснуть.

Барышня в номере 317 истерически всхлипывала и требовала ответа на вопрос: «На что она потратила пять лет?» По всем признакам, внятного ответа ей дать не могли, и всхлипы то и дело перерастали в рыдания. А рыдания – в истерический вой, который прерывался опостылевшим вопросом, а вопрос – очередной порцией всхлипов.

Барышня была симпатично-ненатуральной. Со всеми прилагающимися к образу атрибутами: фальшивой, но дорогой блондинистостью, длинными и, что немаловажно, идеально прямыми ногами, доставшимися от мамы, акриловыми ногтями и «дикоорхидеистым» бюстгальтером, которым эта барышня уже двадцать минут размахивала перед носом ошалевшего оппонента. Она любила клейменные брендами шмотки, «новиковские» рестораны, пафосный Cristal и «ремарковский» кальвадос. Обожала амбициозную Москву и романтичный Париж. С легкостью сочетала непомерные желания и всеобъемлющую лень. В мужчинах ценила ум и успешность, а в женщинах умение вовремя устраниваться. Как и все содержанистые красавицы, знала, что штамп в паспорте – счастьем не помеха, а конкуренток своих, надо если и не любить, то уважать, за общность интересов и многотерпение. Проспонсированно улыбалась и проспонсированно стонала, делила людей на «лохов» и «нелохов», любила себя и позволяла другим делать то же самое.

Звали барышню Дарьей. Больше всего в этой жизни Даша ненавидела работу, впрочем, ее у нее и не было. Никогда.

Ответственность за нехитрое Дашкино содержание, состоящее из салонов, соляриев и шопинга, уже лет пять как взял на себя мужчина ее мечты – подпольный олигарх и явный параноик.

Олигарх был похож на аллигатора и, мучимый геморроем, неврозом и остеохондрозом, в свои неполные тридцать восемь секс любил только на словах. Личностью он был харизматичной: людей боялся и недолюбливал, ничему не удивлялся, а, выезжая на историческую родину в Тамбов, выкупал пару вагонов, дабы иметь возможность ехать одному. Мэр Тамбова думал, что едет Ким Чен Ын, и оцеплял здание вокзала. Папа Олигарха краснел и спасался от любо-

пытствующих за двумя железными дверями у себя в квартире. Деликатные коллеги отца, опасаясь оскорбительного слова «идиот» и категоричного дополнения «полный», робко интересовались: «А сын у вас немного странненький, да?»

Дашка была одной из немногих, кто Олигарха почти любил. Он такое выражение чувств ценил и отвечал ей взаимностью: водил в рестораны, покупал туфельки, колечки, шубки и даже (!) брал ее с собой за границу. Последнее приравнивалось к подвигу: ночное общество темпераментной Дашки он выдерживал с трудом, и в преддверии секса настойчиво просил подругу «не спешить». Дашка боялась, что Олигарх передумает, и удваивала скорость.

Помимо Дашки, таких же любовниц у Олигарха мечты было три. Точнее, две плюс жена. Дарья ставила на собственную молодость, красоту и умение ждать. Она ценила любовника за редкое чувство злобного юмора, незаурядный ум, терпение к собственным выкрутасам и возможность существовать не работая.

Годы летели незаметно, и любимой фразой в постели у Олигарха мечты стало: не «не спеши», а «давай перенесем это на завтра». Однажды, темной поздней парижской ночью, в номере 317 Дашка отчетливо осознала, что Олигарх мечты никогда на ней не женится, никогда не уполовинит количество любовниц и никогда не полюбит секс. Пониманию способствовали бутылка Louis Roederer Cristal, выпитая в «Guy Savoy» и кальвадос в мини-баре. Алкоголь внутри Дашки плакал, жалел себя, топал ногами и мечтал отомстить...

– Не хочу больше сидеть на «скамейке запасных»! – орала Даша.

– И где ты собираешься играть? – философски уточнил Олигарх.

Он был умным и знал, что безработной и не вылезавшей из квартиры барышне найти спутника жизни даже при очень выгодных внешних данных крайне тяжело, если не сказать – нереально. Тем более что просто спутника Дарья не искала, она искала второго Олигарха...

– Да где угодно! Что думаешь, желающих мало?! – взвизгнула Дашка.

– Ну например? – подначивал Олигарх.

– Думаешь, ты единственный миллионер в Москве? Самый красивый, молодой и умный? – то ли уточнила, то ли попыталась разуверить его Дарья.

– Ну так кто? – не сдавался Олигарх.

– Вот! – Дашка вцепилась в раскрытый журнал «Yachts», лихорадочно подыскивая объект. Ее горящие, полные праведного гнева глаза сканировали страницу. Молодой, богатый, неженатый нашелся только один.

– Да хоть бы и Чабурадзе! – с вызовом бросила Дарья.

– Кто? – переспросил Олигарх.

– Чабурадзе Григорий Зурабович, – уточнила Дарья, с трудом справляясь с произнесением прочитанного.

– Правильно! А Чумбаладзе тебе в грызло даст, когда завтрак забудешь подать! – обрадовался Олигарх.

– Не Чумбаладзе, а Чабурадзе, – оскорбилась за объект Дарья. – И вообще, это он тебе в грызло даст, когда приползешь обратно проситься.

Олигарх недобро засмеялся. Дашка подхватила чемодан и вылетела из номера. Он догнал ее у лифта и попытался всучить толстую пачку стодолларовых купюр.

– Это пока Чеботаридзе не завоеешь!

– Не нужны мне твои деньги поганые! – взвыла Дашка, засовывая банкноты в сумочку от Gucci.

– Долетишь – позвони.

Олигарх попытался ее поцеловать.

– Чабурадзе позвоню! Я теперь во вражеском лагере! Забыл? – Дашка показала Олигарху язык, и лифт унес ее в новую жизнь.

Владелец заводов, газет, пароходов Григорий Зурабович Чабурадзе попался на первую же sms. Дарья без труда раздобыла номер его мобильного и написала что-то игривое и остроумное. На составление незамысловатого текста ушла минута, на ответ Чабурадзе – пятнадцать. Абонент кадрился, хвастался домашними акулами и бравировал суммами, выделяемыми на содержание любовниц. Дашка понтовалась Олигархом и ролью «подай-принеси» в дешевом ситкоме. Точка соприкосновения была найдена.

– Григорий и Дарья – это судьба! У меня так первую любовь звали, – размечтался владелец заводов, газет, пароходов.

На ознакомительное свидание господин Чабурадзе приехал во фраке, обвешанный «понтами» и брендами. Спрятался за здоровенный мусорный бак и стал ждать. Барышня могла оказаться «неформат», и Григорий Зурабович хотел успеть незаметно свалить.

Дарья тоже выходить боялась. Ей виделся здоровенный кавказец, с длинным носом и большим животом. В Дашкиных фантазиях он все-таки «давал в грызло».

Любви с первого взгляда у Дарьи и Чабурадзе не случилось. При всей «голубоглазости» и аккуратности носика, что-то в объекте спора Дашку смущало. Разговор в ресторане не клеился. Чабурадзе мерещились вражеские агенты. Дашка нервничала, пила и «сливала» общих знакомых. В душе Григория Зурабовича нарастало беспокойство и крепла уверенность, что Дарья заслана к нему шпионить.

К концу вечера Дашка окончательно «расслабилась» и зарыдала на плече у Чабурадзе. Она вспомнила Олигарха мечты, с тоской представила не поданный завтрак и себя, в объятиях нового знакомого. Вместо заводов, газет, пароходов ей почему-то упорно виделись рынки и «Дэвушка, красавица! Купы апелсын!».

Возле Дашкиного дома Чабурадзе, опасливо озираясь, покинул свой бронированный «катафалк» и попросился в гости. В трезвеющем мозгу Дашки начали зарождаться причины для отказа:

– Домработница не приходила неделю, – была первой.

– Я не блядь, – второй.

– Не пуцу, даже зная, что приставать не будешь, – Дарья попыталась отшутиться.

– Буду! – проникновенно глядя в глаза, заверил Григорий.

Так владелец заводов, газет, пароходов остался за плотно закрытой подъездной дверью и засеменил назад в «катафалк».

Мужчина без будущего

Ночью Дашка вспомнила про пари и финансовые трудности и написала Чабурадзе sms. Так между ними завязалось некое подобие игры. Sms-ки оппонента радовали остроумным содержанием, скоростью мысли и разнообразием предложений. Умных мужчин Дарья ценила, но еще больше в тот период ее мысли и чувства занимал отнюдь не Григорий.

«Народный артист» Тубеленький играл в «театре одного актера», о театре том знал только он сам да пара пенсионеров, игравших с ним в паре. В холле театра, очень похожего на детсад, висели фотографии ведущих артистов: трех старичков, дамы неопределенного возраста и самого Тубеленького. Каждое утро, приходя в театр в легком подпитии, «народный артист» привставал на носочки и целовал собственный портрет. Следом за ним бежала стайка девиц лет восьми и, подставляя табуретки, проделывали тот же маневр. «Девочки-ромашки» из соседней школы были самыми преданными и единственными поклонниками творчества актера.

К известному продюсеру со схожей фамилией Беленький, отношение Тубеленький имел только косвенное, но страстно мечтал приходиться ему родней. Пусть даже далекой и не очень любимой.

Однажды, будучи в сильном подпитии и находясь на приличном расстоянии от земли, Тубеленький все же прорвал кордон из ошарашенных стюардесс и покинул заслуженное место в хвосте самолета. Стремился «народный артист» в бизнес-класс, в котором восседал Именитый Продюсер.

Тубеленький пошатнулся, набрал в легкие побольше воздуха и заплетающимся языком произнес:

– Здравствуйте, я ваш...

Продюсер вздрогнул и вжался в кресло. Он испугался, что молодой человек, так трогательно придерживающийся за шиньон рядом сидящей дамы, произнесет слово «сын».

– ...актер! – продолжил Тубеленький, – я снимаюсь у вас в сериале. В сериале «Мужчина без будущего».

– Актер? – продюсер вздохнул с явным облегчением. – А кого играете?

Вспомнить Тубеленького он почему-то не мог, хотя подбором актеров заведовал лично.

– Ну, я этого играю. Как его. С десятого этажа...

Тубеленький отчаянно вращал глазами, силясь вспомнить имя героя и, вероятно, ожидая, что продюсер ему подскажет.

– Ладно, не важно! – он дружески похлопал вынужденного собеседника по спине.

– Главное, у меня там роль. От двух до трех минут в двадцати трех эпизодах в шестнадцати сериях! Меня даже старушки у подъезда узнают!

– Рад за вас, молодой человек. Завидная карьера! – кашлянул продюсер и осторожно перевернул страницу сценария. Он был вежливым и откровенно послать «мальчика-звезду» не решался.

– Пожалуйста. Я хотел попросить вас, – с трудом борясь с приступом дурноты, продолжил не понимающий намеков Тубеленький. – Я хочу попросить вас подвезти меня до метро!

– И это всё? – Очки именитого продюсера полезли на лоб.

– Да! Подвезете? – обрадовался парень.

– Подвезу, – выдохнул продюсер и попросил стюардессу принести нюхательную соль.

Из общих интересов у нашей героини и «народного артиста» имелись: любовь к горячительным напиткам да дешевый ситком, где Тубеленький играл идиота, а Дашка блондини-сто-идиотский объект его обожания.

Обычно на съемочную площадку Тубеленького вносили, на ходу натягивали на него штаны и суфлировали текст. Дашка «вплывала» сама и, кокетливо откидывая накладные

пряди, хлопала нарощенными ресницами в сторону «любимого». Вскоре у них завязался роман. Это «вскоре» пришлось на момент расставания с Олигархом и знакомства с Чабурадзе.

Лимит исчерпан

Спустя месяц переписки Григорий Зурабович притомился. Его сообщения стали напоминать ежедневный бухгалтерский отчет:

- Спишь? – уточнял он часа в два ночи.
- Ага, – соглашалась Дашка, независимо от правды.
- Жаль, – дописывал Чабурадзе и ставил «попсовую» слезку.

Так продолжалось еще месяц, пока однажды политкорректный Григорий не написал лаконичное: «Лимит исчерпан» – и не ушел в глухое подполье.

После этого засуетилась Дашка. Упражняясь в остроумии, она отправляла бесконечные sms, mms, e-mail. Ответ варьировался от тишины до редких ночных звонков. Иногда Чабурадзе грозился перехватить Дарью после посещения очередного «злачного» места, но обычно натусовавшаяся Даша умудрялась заснуть задолго до приезда «объекта». Неожиданно вернувшийся в Дашкину жизнь Олигарх мечты не упускал возможности бывшую любовницу подколоть:

- Как там Челамбургадзе? Еще не повесился?

Дашка бесилась и атаковала с удвоенной силой: вычисляла места пребывания «объекта» и устраивала нетривиальные сюрпризы. Чабурадзе глумился, презванивал и обещал приехать в шесть утра. Нагламуренная Дашка, освоившая всю европейскую кухню и перешедшая к грузинским национальным блюдам, засыпала на столе и утром грозилась вруна Чабурадзе кастрировать и скормить пресловутым домашним акулам.

На легендарных «Одноклассниках» Чабурадзе скрылся за пафосно-претенциозным «Grigorio». Впрочем, Дарье это не помешало найти его. Старшая сестра злилась и не подпускала Дашку к компьютеру. В отместку Дарья натаскала маленькую племянницу и первым произнесенным ею словом стало «Чабурадзе», после чего позвонила Grigorio в офис и попросила ребенка позвать «папу Чабурадзе». Благо, свободного времени у бездельницы Дашки имелось в достатке. Сестре понадобился месяц на то, чтобы уговорить мужа не убивать Григория, и еще два – на доказательство собственной верности.

Однажды Чабурадзе-Grigorio сдался и пригласил Дашку в гости. К моменту прочтения злополучной sms с его домашним адресом Дарья успела:

- напиться,
- поругаться с Олигархом
- и забыть, что ей, собственно, от Чабурадзе нужно.

Несмотря на всю неблагоприятность сложившейся ситуации, упускать ТАКОЙ шанс не хотелось...

К дому Чабурадзе полувменяемую Дашку привез таксист и с рук на руки передал обалдевшему Григорию. На подходе к квартире Дарья потребовала подтвердить, что «девичья честь» останется нетронутой и Григорий-Grigorio не станет домогаться ее нетрезвого тела. В ответ оскорбленный в лучших чувствах Чабурадзе попросил «пьяное тело» не обольщаться, заверив, что секс с ним не светит Дарье при любом, даже самом благоприятном раскладе, да и вообще, домой к ней в четыре утра приперся не он.

К моменту окончания диалога им обоим очень хотелось друг друга прибить. Не радовал даже приобретенный «беспостельный иммунитет»...

- «Теперь если не пристанет – я сама не хотела», – утешала себя Дашка.
- «Теперь если не даст – я и не напрашивался», – злорадствовал Григорий.

Часть ночного приключения разом утратила пикантность...

Чабурадзе ночной в глазах нетрезвой Дашки сильно отличался от Чабурадзе дневного, прошлоразового. Отличался, надо заметить, в лучшую сторону. Данное обстоятельство Дашку бесило: «Одно дело – оставлять у подъезда перепонтованного представителя Кавказа, вместо

которого тебе мерещатся баксы и евро, и совсем другое – сидеть напротив симпатичного парня, глядя на которого вместо денежных знаков ты видишь пронзительные голубые глаза. Смотришь и жалеешь, что так по-дурацки отказалась от того, чего тебе даже не предлагали».

Время шло. Дашка пила чай и молчала. Григорий тоже. Он ждал объяснений. Она – возвращения денежных знаков. Знаки возвращаться упорно не желали, и вместо них на нее по-прежнему смотрели пронзительные голубые глаза, в которых застыл немой вопрос. Точнее, даже два: «Че надо?» и «Че приперлась?». Затуманенный алкоголем мозг ответов не находил, и Дашка попросилась в ванную умыться. У зеркала, в виде аутотренинга, она попыталась вспомнить все неприятные эпитеты, которыми обладателя глаз наградила «поставщик» телефонного номера. И то, для чего она, собственно, приехала. Вспоминала, естественно, вслух.

Чабурадзе приложил ухо к двери. Предположить, что барышня – законченная дура, ему мешала врожденная воспитанность, оставались происки врагов. Выходило, что Дашка все-таки сливает информацию.

Дарья, пошатываясь, выползла из ванной.

– С кем разговаривала? – закинул удочку Чабурадзе.

– Сама с собой. НЛП! – покраснев, выдала заумное слово Дашка.

«Врет», – обрадовался Чабурадзе, а вслух с деланным равнодушием заметил:

– Все равно утром камеру просмотрю.

– Какую камеру? – не врубилась Дашка. В эту секунду аутотренинг заработал, и слова «С ним неуютно и находиться рядом тяжело, и вообще, человек он сложный и не самый приятный» обрели реальную форму. Теперь ей действительно стало неуютно и страшно.

– Обычную, – радовался произведенному эффекту Чабурадзе, – там, в ванной, рабочие установили. Утром прослушаю и просмотрю.

«Слушай что хочешь, моральный урод», – мысленно ослабилась Дашка и уткнулась носом в чашку с остывающим чаем.

– Но если сама все честно расскажешь, я смотреть не стану. Обещаю! – поспешил продемонстрировать широту души Чабурадзе. И Даша рассказала.

Так Григорий Зурабович узнал о себе много нового, того, о чем втайне догадывался, но признавать не хотел. Надо ли говорить, что от полученных знаний симпатии к Дашке в душе Grigorio не прибавилось. Об эмоциях, переполнявших гостеприимного хозяина, Дарья догадалась, взглянув ему в лицо. Догадалась и тихонько заплакала.

– Что, правда, со мной так неуютно? – осторожно уточнил Чабурадзе, глядя на плачущую гостью.

– Угу. Провалиться на первый этаж хочется, – подтвердила Дашка и зарыдала сильнее.

Григорий поежился и предложил вызвать такси. Теперь ему тоже сделалось неуютно с самим собой. Слово «такси» возымело прямо противоположный эффект. А именно – у Дарьи началась самая настоящая истерика. Гипотетическое такси уносило ее последние робкие надежды.

Чабурадзе растерялся. – раньше подобных прецедентов у него не было:

– Если не успокоишься, дам в глаз! – пообещал «не самый приятный человек» Григорий Зурабович.

– Не дашь! – с внутренней убежденностью прорыдала Дашка.

– Почему? – изумился Чабурадзе. – Это я с виду такой никакой. А на самом деле я – брутальный!

Дашка выдавила слабое подобие улыбки, но плакать не перестала.

– Не прекратишь рыдать, будешь такси под снегом на улице ждать, – смягчился, но не сдался Чабурадзе.

– Лучше там, чем с тобой, – взвыла Дарья.

Впрочем, до снега, естественно, не дошло, таксист приехал раньше.

Памятуя о том, что человек он «не самый приятный» (плачущая барышня лишь подтверждала сей факт), Grigorio попытался реабилитироваться.

Начать решил с комплимента, а так как зареванная, покрасневшая истеричка к оному не располагала, то похвалил он норковую шубку, купленную Олигархом мечты.

– Кому-то машины и квартиры, а мне шубу! – огорчилась за себя Дарья и зарыдала сильнее.

Чабурадзе пожалел, что вообще ввязался в диалог. И в качестве отступных протянул Дарье тысячу на такси.

– Оставь себе! – разозлилась Дарья и впервые от «халявных» мужских денег отказалась. Отказалась не с далеко идущей целью, а просто из принципа.

– Как себе? – опешил Чабурадзе. Такая формула у него в голове не укладывалась. Обычно даже страстный шепот многочисленных поклонниц Григория Зурабовича завершался просьбами о финансовой поддержке. Ситуация, когда девушке деньги предлагают, а она не берет, была для него в новинку. Под впечатлением он даже проводил Дашку до такси.

В гостях у ведьмы

С той ночи почти незаметно пролетело два года. Много переменялось в жизни Григория и Дарьи, неизменной оставалась лишь любовь последней к эпистолярному жанру, объектом которой служил Чабурадзе. «Производственный минимум» идущей на абордаж барышни состоял из пяти каждодневных sms, двух-трех сообщений в «Одноклассниках» и одного электронного письма.

Особенно тяжело приходилось Григорию 1 апреля. В этот светлый праздник ему на фирму по обыкновению доставляли заказ, о котором заранее оповещали весь офис: членский билет ассоциации сексуальных меньшинств «Маленький Мук» или набор презервативов от компании «Крохотный друг», изготовленных на заказ «по снятым» у гендиректора меркам.

Чабурадзе свыкся с Дашкиной активностью, как с чем-то неизбежным, утренним будильником например. Он редко злился и еще реже отвечал. Она же доставала Григория скорей по привычке, со шkodным азартом, присущим бездельнице. Писала из ресторанов, ночных клубов, гостей. Острила, пересказывала анекдоты, шутливо обижалась и задавала вопросы, ответов на которые не ждала.

Погубила Григория Зурабовича Дашкина тяга к мистицизму. Однажды с такой же безработно-содержанистой подружкой Дарья оказалась на даче у ведьмы. Ведьма была молоденькой, рыжеволосой и, кажется, потомственной. Она жарила шашлыки, со звоном разливала по бокалам домашнее вино, топила деревенскую баню. Грудным голосом пела тягучие, берущие за душу песни и в обычной жизни работала в солидной юридической компании.

На второй бутылке вина, после похода в баню и пары тягучих задушевных песен, Дашка и ведьма подружились. Дашка растрогалась и поделилась историей с Чабурадзе. Ведьма недобро сверкнула глазами и предложила подруге любое желание на выбор. Дашка взглянула на молчащий мобильник, с которого минут десять назад ушла очередная порция sms Григорию, и ляпнула первое, что пришло в хмельную голову:

– Хочу, чтоб Чабурадзе конкуренты прихлопнули! Ведьма удивленно вскинула бровь и что-то пробормотала себе под нос. Дальнейшего Дарья не помнила. Она провалилась в крепкий алкогольный сон.

Григорий Зурабович Чабурадзе, как обычно, подъехал к дому на бронированном «катафалке». Как обычно, на дворе стояла темная ночь. Как обычно, он вылез из машины и направился к подъезду. Необычным элементом стал выстрел, прозвучавший откуда-то сзади. Григорий Зурабович дернулся и упал в грязноватый мартовский снег.

В последних фрагментах ускользящей жизни Чабурадзе увидел маму, к которой поленился заехать с утра, сестренку, так и не дождавшуюся поездки в Милан, вереницу длинноногих девиц, скрашивавших его ночное одиночество, и Дашкины sms-ки. Почему-то подумалось, что она больше никогда ничего ему не напишет.

– Дождался, – не то с радостью, не то с грустью констатировал Григорий Зурабович и умер.

О смерти владельца заводов, газет, пароходов Дарья узнала из газет. Сие известие вызвало в ней столько же жалости, сколько новость о том, что Ходорковского посадили в тюрьму. О желании, загаданном у ведьмы на даче, Даша, как водится у блондинок, даже не вспомнила.

Дилемма

Небо над головой было прозрачным и синим. Таким, каким бывает только на картинках или в кино. Небо под ногами от неба над головой ничем не отличалось. Господин Чабурадзе огляделся в поисках чертей и, не обнаружив оных, облегченно вздохнул. Впрочем, расслабился он рано. В небесной канцелярии как раз решалась судьба «не самого приятного в мире» человека. Григорий с тревогой вслушался в голоса.

Откуда они звучат, он не знал. Понял только, что обсуждают, куда его определить: в ад или в рай. В чистилище не хотелось до одури, но впервые, как «разрулить» ситуацию в свою пользу, бывший владелец заводов, газет, пароходов не знал.

– Вопрос решен. Весы перевешивают в сторону ада. Тяжеловатенькие у господина Чабурадзе грехи, – вынес вердикт один из голосов.

– Ничего не решен! – возразил второй голос. – Чашу тянут незавершенные дела, тем более что к нам Григорий явился, значительно опережая план. Стараниями ваших наместников, между прочим!

– И что вы предлагаете? Вернуть его на землю как ни в чем не бывало семь дней спустя? Чабурадзе не настолько важный исторический элемент, чтобы так напрягаться.

– А я считаю, что любой человек имеет право на второй шанс. Другой вопрос, сумеет ли он им распорядиться, тем более, еще раз подчеркиваю, господин Чабурадзе прибыл к нам намного раньше срока.

– Что вы подразумеваете под вторым шансом, милейший?

– Возможность вернуться на землю и «закрыть» все долги. Сделать что-то хорошее, что-то, что поможет ему заполнить вторую чашу весов.

– И как вы это себе представляете? Согласно неписаным правилам – люди не воскресают, и исключение, сделанное в... году, лишь подтверждает правило.

– Кто говорит о воскрешении? Пусть вернется не в телесной оболочке, скажем, в виде призрака. Выделим ему помощника или помощницу из живущих. Обговорим срок и поставим задачу.

– Как-то гладко у вас все получается, милейший. Из ваших слов следует, что господин Чабурадзе был праведником и оказался кандидатом в ад по ошибке. Помилуйте! Он прожигал жизнь, лгал, предавал и использовал людей. Жил исключительно ради собственного удовольствия и считал себя чуть ли не Богом. За что такие поблажки?

– Согласен. В ваших словах есть доля истины. Тогда поступим следующим образом: наша сторона сделает предложение, а вы внесете свои коррективы. Итак, задачей господина Чабурадзе на земле станет завершение всех, как ему кажется, наиважнейших незаконченных дел и изменение жизни хотя бы одного, отдельно взятого грешника.

– Грешницы.

– Не понял?

– Грешницы. Ему в помощницы мы дадим ту самую надоедливую лентяйку, которая послужила невольным толчком к сегодняшней дискуссии. Дарья, кажется? Пусть он попытается сдвинуть девицу с дивана и заставит себе помогать. Причем хотя бы один из ее поступков должен быть совершен бескорыстно, просто ради него. Нет. Даже так, она должна будет сделать выбор в его пользу. Поступившись собственными интересами. Добавим, что передвигаться в пространстве он сможет, только если передвигается она. В противном случае весь свой «второй шанс» он проторчит у бездельницы в квартире.

– Жестко. Но есть свой резон. Если эксперимент удастся, мы будем иметь целых две спасенные души. Если нет – вы. Теперь по срокам. Считаю, три месяца будет достаточно. Вы согласны?

– Вполне.

В ту же секунду небо под ногами Григория разверзлось и превратилось в грязноватый линолеум невнятного желтого цвета. Так он впервые оказался у Дашки в квартире.

Незванный гость хуже...

Дашка-квартирная, никого не ожидавшая, на Дашу-нагламуренную походила не больше, чем дворовая мурка на элитного британца: непонятное платье-балахон, давно нуждавшееся в стирке, растрепанные пакли, заспанный вид и облупившийся лак на ногтях. Ноги девица побрить поленилась, как и причесаться, умыться и приготовить человеческий завтрак. Завтракала «красотка» в три часа дня. Квартиру убирала раз в три недели. Об этом свидетельствовала гора невымытой посуды в раковине и на столе, следы уличной грязи на полу и толстый слой пыли на предметах. Видимо, финансовые трудности не позволяли Дарье злоупотреблять обществом домработницы.

Дашка сложила в тарелку четыре пирожных «картошка», густо намазала маслом с вареньем две булки хлеба, закинула в миску полпачки хлопьев и уже приготовилась залить их молоком, когда Григорий кашлянул и подал голос:

– Как в тебя столько лезет? И так уже не трепетная лань, а скоро совсем в корову превратишься.

– А-а-а-а! – заорала Дашка и выронила из рук пакет с молоком.

– Не визжи, в ушах звенит, – поморщился Чабурадзе.

– Э... у... мама!.. – Дарья испуганно попятилась к стене. – Ты же это, того, тебя же...

– А кто возражает? Убили, – согласился Григорий, развалившись на столе. – По твоей милости, к сведению.

– Как это, по моей? – медленно начала приходить в себя Даша.

– А вот так. Я, между прочим, жил, ничем тебе, юное воплощение бесцельного существования, не мешал. У меня был успешный бизнес, красивые женщины, большие перспективы, интересная, насыщенная жизнь, и тут появилась ты. Мало того что ты своими sms-ками, mms-ками и факсами отравила мне последние три месяца жизни, так еще и сократила эту самую жизнь лет на двадцать! Так что с тебя, sms-маньячка, должок.

– Ха-ха, – оправилась Дашка. – Ничего я тебе, дорогой, не должна. Начнем с того, что не я в тебя стреляла и уж тем более не я на тебя киллеров натравила.

– А желание? – напомнил Григорий.

– Это еще надо доказать! Если бы все мои слова имели такую волшебную силу, я б уже давно жила на Копейке! И вообще, иди-ка ты, откуда пришел. Пользы от тебя теперь никакой: денег не взять, замуж не выйти, sms и ту не отправить, – разозлилась Дашка.

– Пользы, может, и никакой, но испортить тебе жизнь еще могу, – угрожающе тихо заметил Чабурадзе.

– Ой! – вдруг резко оживилась Дашка, – а если ты теперь там, ты же все видишь и знаешь? Скажи, любит меня Олигарх мечты или нет?

– Я не ТАМ, Даша, я здесь с тобой! И пока ты не согласишься выполнить мои требования, буду отравлять тебе жизнь своим вездесущим присутствием.

– У-у-у-у-у... – разочарованно протянула Дашка. – Ну, отравляй. Все равно не буду тебе помогать. Считай, что мне лень!

– Квартиру убери! Ты же женщина!

– Тебе надо, ты и убирай! – с этими словами Дашка демонстративно развернулась и завалилась обратно на кровать.

Тут Григорий Зурабович понял, что с Дашей будет нелегко.

Через час Дашка сделала вывод, что находиться вдвоем с Grigorio-призраком еще менее уютно, чем с Grigorio живым, и позвонила Тубеленькому.

– Эй, Тубеленький, приезжай в гости, – как обычно, без долгих церемоний начала Дарья.

– Ща, Дашуня-малыш. Сорок минут – и у тебя. Чего выпить купить? – обрадовался «народный артист». Жил он от роли до роли (что случалось редко) и от звонка Дашки до звонка Дашки (что случалось не чаще). Гордость и инициативность не были доминирующими чертами характера Тубельного.

– У нас гости? – уточнил Чабурадзе.

– Угу, – кивнула Дарья и поплелась мыть полы и посуду. Все-таки, какой-никакой мужчина служил стимулом к чистоте.

После уборки занялась наведением «гламура». Вымыла голову, побрила ноги и нацепила «дикорихидеистое» белье.

– Слушай, а может, его у нас жить оставить? Хоть чисто будет, – посоветовал Григорий.

– Отстань и не мешай марафет наводить, – отмахнулась Дарья.

Самый жалкий любовник

В дверь постучали. Судя по всему, звонок в квартире не работал.

– Дорого-о-ой! – с преувеличенной радостью кинулась на шею Тубеленькому Дашка.

– Ненатурально, – заметил Григорий.

– Как умею! – огрызнулась Дарья, увлекая ошарашенного Тубеленького в кухню и на ходу извлекая из пакета бутылку Chivas Regal.

Тубеленький Дашкиной взбалмошности побаивался, поэтому свою алкогольную норму принял еще на первом этаже у любимой в подъезде. Как следствие, теперь вместо Дарьи «кумир поколений» разговаривал с большой плюшевой обезьяной, сидящей на полу.

– Дру-у-уг, – тянул он, – только ты меня понима-а-а-аешь.

– К тебе что, в трезвом виде не заходят? – полюбопытствовал Чабурадзе.

– В трезвом ко мне только покойники заглядывают, – съехидничала Даша.

– Ого! А он отвечает! – обрадовался Тубеленький, преданно глядя в глаза обезьяне.

Дарья залпом осушила стакан с вискарем.

– Сопьешься, – пообещал Чабурадзе, присаживаясь рядом.

– Вылечат, – буркнула Дашка.

– Ты что, Дашунь, болееешь? – испугался Тубеленький.

– Тебе слышалось. Иди ко мне, выпьем, – Даша призывно ему подмигнула.

Тубеленький поднялся, пошатнулся, и, заключив Дарью в объятия, потащил ее в спальню.

– О-о-о-о. А-а-а-а, – закатив глаза, застонала Дашка.

– Фальшиво и дешево, как в малобюджетной порнухе, – подметил Чабурадзе.

– Отвали! – огрызнулась Дарья.

– Почему? – испугался Тубеленький.

– Я не тебе, – прошептала Дашка, сбрасывая кофточку.

– Дашь, скажи, я самый жалкий из твоих любовников? – прохрипел Тубеленький, увлекая ее на кровать.

– А что, у тебя бывают и хуже? – Изумление Григория было неподдельным.

– Нет, не самый, – успокоила любовника Дашка.

– Еще и врешь мальчику, – пожурил Чабурадзе.

– Может, ты и сам в постели был никакой! Кто теперь докажет? – предположила Дарья, освобождаясь от джинсов.

Из невнятной речи возлюбленной мнительный Тубеленький уловил только существительное «постель» и характеристику «никакой».

– Что, правда никакой? – обиделся он.

– Да какой, какой! Раздевайся быстрее! – взмолилась Дашка.

– Ты что, идешь на рекорд по сверхскоростному соитию? – сострил Чабурадзе.

– Убирайся к черту! Надоел! – взвизгнула Дарья.

– Как к черту? Я только пришел... – растерялся Тубеленький и разом утратил весь сексуальный запал.

– Вжик, и больше не мужик, – с явным удовольствием констатировал Григорий.

– Сам ты не мужик, а ходячий мертвец! – обозленная Дашка оттолкнула Тубеленького и вскочила с кровати.

– Какой мертвец? – чуть не плакал «народный артист».

– Никакой. Проехали! Ты, Аркаш, лучше вставай и езжай домой, к маме. Я сегодня не в настроении, – как можно мягче попросила Тубеленького Даша. «Кумир поколений» придерживаясь за стенку, поплелся к двери.

– Доволен? – устало выдохнула Дашка, оборачиваясь к Григорию.

– Этим? Нет, – честно сознался он. – Это только начало, обещаю. Я тебя предупреждал. Около полуночи, как водится, позвонил Олигарх мечты. По привычке он все еще отзванивался Дарье. Звонку друга Дашка обрадовалась. Она привыкла, что Олигарх решает ВСЕ ее проблемы, и вставать с кровати для этого не обязательно. Сейчас проблемой был Grigorio.

– Ой, дорогой. Ты Чабурадзе помнишь? – показав призрак язык, начала Даша.

– Чивачидзе помню. А что? Ты ему на тот свет sms-ки пишешь? – удивился Олигарх.

– Хуже, он у меня дома сидит и не уходит. Как его выгнать?

– Раньше хотела заманить, а теперь – выгнать. Какое непостоянство! – вмешался Чабурадзе.

– Дашич, ты сколько выпила? – любопытствовал Олигарх.

– Нисколько! – приукрасила Дашка. – У меня не белая горячка. Он правда здесь торчит и комментирует.

– Дашич, мое мнение, конечно, не важно. Можете не прислушиваться, но, по-моему, вам надо чем-то полезным заняться и перестать пить хоть на недельку. Сразу Чувамбадзе мерещиться перестанут.

– Мне не мерещится, – ослабевшим голосом возразила Даша.

– Иди, проспись, я завтра позвоню, – не стал церемониться Олигарх...

– Ну, Дашич, теперь, кажется, я – твой самый преданный друг, и единственный, кто в твои «галлюцинации» верит, – позлорадствовал Григорий.

– Ладно, еще посмотрим, кто кого, Франкенштейн.

– А ты сомневаешься?

– В своей победе? Нисколько! – Дашка долила себе остатки виски и вернулась в постель.

Между ними, девочками

Утро началось для нашей героини необычайно рано. В девять ноль-ноль.

– Подье-е-е-ем! – провозгласил Чабурадзе.

– Черт, ты все еще здесь? – разочарованно протянула Дарья и перевернулась на другой бок. – Дай поспать!

– Тебе что, совсем заняться нечем? – уточнил Чабурадзе.

– Нечем, – созналась Дашка.

– Встань, покачай пресс, приготовь человеческий завтрак, возле дома пробегись, на худой конец.

– Я лучше сериал посмотрю, – Дарья лениво щелкнула пультом.

До двух часов дня, кроме как за бутербродом, расшевелить Дарью не удалось. Около трех в дверь постучали. На кухне нарисовалась девица в пижаме. Такая же заспанная, растрепанная, с облезлым лаком и выражением сомнамбулического ступора на лице. Подразумевалось, что в уличном виде девица должна быть Дашкиной «нагламуренной» подругой-блондинкой.

– Дашунь, дорогая, я что-то сегодня так рано проснулась, – зевнула девица. – У тебя выпить ниче не осталось?

– Проходи, Анжел. Есть Cristal, – обрадовалась гостье Дарья.

– Вас что, клонируют? – не выдержал Чабурадзе.

Девица еще раз зевнула и прошествовала к столу.

– Дашунь, этот лох сигареты не оставлял? – Под экспрессивным определением подразумевался «народный артист».

– Не, Анжелочка, не оставлял, – Дашка тоже зевнула в унисон.

– Ну, за нас! – чокнулись барышни.

– Женский алкоголизм неизлечим, – напомнил Чабурадзе.

– Как вчера потусили с Тубеленьким? – вставила гостья.

– У него не встал, – пожаловалась Дашка.

– Совсем допился, – хихикнула гостья и тут же, видимо, чтобы утешить подругу, добавила: – Ну, это бывает. Лежаков вообще раз в три недели может, и то только по утрам. Кстати, а хочешь пирог?

Пирог, штрудели и блинчики были коронным блюдом Анжелы Глушко. Когда-то, пару лет назад, девушка, не умевшая пожарить даже яичницу, спустилась в метро и столкнулась с огромным бородатым детиной в фуфайке. На фоне худенькой и миниатюрной Анжелы детина смотрелся педофилом, на фоне прочих прохожих – дровосеком из таежных чащ. Детина пообещал Анжелике (так, с пафосным придыханием, именовала себя девушка) квартиру в Дубае и съемки в блокбастере с Брэдом Питом. Назвался товарищ Лежаков режиссером. Будучи блондинкой, если и ненатуральной, то идейной, детине Анжела поверила и через месяц вместо квартиры дубайской оказалась в халупе московской.

Халупа площадью метр на метр досталась Лежакову от дедушки. С тех пор он не поменял даже дивана, на котором, подобно Илье Муромцу, обрастая долгами и щетиной, пролежал без малого сорок семь лет. Впрочем, если верить «дамочке. ru», господину Лежакову едва исполнилось тридцать, жил он на Копейке, а эксклюзивный диван для лежания приобрел у Versace.

За два года с Лежаковым Анжелика-Анжела с Брэдом Питом так и не снялась, зато освоила нелегкие азы кулинарного искусства. Теперь самым повторяющимся ночным кошмаром Анжелы были падающие с неба пироги.

Рыбный пирог Анжелика принесла быстро. Квартира Лежакова находилась через стенку от Дашкиной.

- Хорошо подрумянился, – радовалась девушка.
- Она его что, на углях готовила? – ужаснулся Чабурадзе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.